

III. Феноменологія Гегеля и критика отвлеченныхъ началъ.

Въ изложенномъ только что отдѣлъ поражаетъ тотъ самый основной недостатокъ, который намъ неоднократно приходилось отмѣтить въ предшествовавшемъ изложениі. Въ теоретической, какъ и въ практической части «Критики отвлеченныхъ началъ» Соловьевъ обнаруживаетъ недостаточную осмотрительность въ усвоеніи чужихъ точекъ зрењія.—

Включая гегелевскую критику чувственной достовѣрности въ составѣ собственного своего ученія, онъ, повидимому, не замѣчаетъ, что она насквозь раціоналистична, а потому звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ въ мистической системѣ.

Нетрудно убѣдиться, что панлогизмъ составляетъ скрытое предположеніе всей приводимой Соловьевымъ аргументації «Феноменологіи Духа». Черезъ всю эту аргументацію красной нитью проходитъ то отождествленіе логического съ реальнымъ, которое уже давно отмѣчено критикой, какъ основное заблужденіе гегельянства.— «Мы можемъ логически мыслить и логически выражать только общее, а не индивидуальное: слѣдовательно, все конкретное, индивидуальное — недостовѣрно»: въ этомъ основномъ утвержденіи — вся гегелевская критика чувственной достовѣрности. Но свести ее къ такой простой и ясной формулѣ — значитъ обнаружить ея недостаточность: мнимый критицизмъ «Феноменологіи» на самомъ дѣлѣ есть скрытый догматизмъ: признавать достовѣрнымъ только то, что находитъ себѣ исчерпывающее выраженіе въ формѣ понятія — значитъ предполагать безусловность понятія и исключительную реальность логического: въ этомъ и заключается догматъ философіи Гегеля, — ея произвольное, ни на чемъ не основанное предположеніе.

Въ приводимыхъ Соловьевымъ страницахъ «Феноменологіи» бросается въ глаза эта логическая ошибка.—

Объ индивидуальныхъ предметахъ мы дѣйствительно можемъ высказывать только общее: мы выражаемъ ихъ природу такими общими, отвлеченными терминами, какъ «это», или «этотъ», «здѣсь», «где́ть» и т. п. Что же изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, только то, что наши понятія не адекватны дѣйствительности, что нашъ логический аппаратъ, а тѣмъ болѣе нашъ языкъ несовершенъ, неспособенъ исчерпать то богатство содер-

жанія, которое заключается въ нашемъ конкретномъ представлении. Если самое главное, существенное, индивидуальное слово *каждаго существа* остается неизреченнымъ, не выраженнымъ въ понятіи, то изъ этого слѣдуетъ, что понятіе есть блѣдная тѣнь дѣйствительности. Гегель, однако, вывелъ отсюда противоположное заключеніе: не понятія не адекватны дѣйствительности, а наоборотъ, — дѣйствительность неадекватна понятіямъ: значитъ, она должна быть отсѣчена, признана недостовѣрною: ибо единственно достовѣрное есть *понятіе*.

Въ системѣ Гегеля все это естественно и понятно; но спрашивается, какъ могъ Соловьевъ подписатьсь подъ этой панлогистической критикой чувственного воспріятія? Какъ могъ онъ юстановить безъ возраженія, а тѣмъ болѣе включить въ составъ своего изложенія ученіе, для котораго понятіе составляетъ *всю* истину конкретнаго воззрѣнія? Въ итогѣ то, что онъ заимствуетъ у Гегеля, совершенно не вяжется съ его собственной теоріей познанія: для Гегеля понятіе есть высшее, безусловное; напротивъ, Соловьевъ признаетъ надъ знаніемъ дискурсивнымъ, которое опиряеться понятіями, высшую область *знанія непосредственнаго, интуитивнаго*, которое схватываетъ индивидуальную сущность *каждаго существа* въ единству умопостигаемаго міра какъ цѣлаго. Философъ, для котораго сущность *каждаго существа* выражается его индивидуальнымъ, неизреченнымъ словомъ, долженъ былъ бы болѣе критически отнестиць къ этой раціоналистической попыткѣ уложить весь чувственno воспринимаемый міръ въ прокрустово ложе понятія.

Къ ошибкамъ, унаслѣдованнымъ отъ Гегеля, тѣсно примыкаютъ изъяны собственной аргументаціи Соловьева. Тутъ также нетрудно замѣтить смѣшеніе логического съ реальнымъ и въ связи съ этимъ — сомнительные переходы изъ области логики въ область онтологіи.

Такъ, мы уже видѣли выше, что отъ *неизменности* истины Соловьевъ заключаетъ къ *неизменности предмета* истиннаго знанія: разъ истина всегда себѣ равна и не можетъ себѣ противорѣчить, то и предметомъ истиннаго знанія можетъ быть только *пребывающее въ вещахъ*, то что существуетъ *всегда и везде*. Ясно, что заключеніе тутъ не вытекаетъ изъ посылокъ: неизменность есть чисто *формальное* свойство истинныхъ

суждений, изъ котораго отнюдь не вытекаетъ неизмѣнность того реальнаго бытія, о которомъ эти сужденія высказываются. Неизмѣнно истинными могутъ быть сужденія объ измѣнчивыхъ событіяхъ во времени. Такъ, напримѣръ, утвержденіе, что въ 1812 году Наполеонъ I былъ въ Москвѣ остается истиннымъ *всегда и вездѣ*; формально оно неизменно истинно, несмотря на то, что по содержанію оно касается исчезающей дѣйствительности—давно минувшаго событія.

Отмѣченная ошибка заключается въ подстановкѣ *истинно-сущаго* на мѣсто просто истиннаго: по Соловьеву, если даже мы будемъ «полагать предметъ истиннаго знанія во внѣшнемъ реальномъ мірѣ подъ формами пространства и времени; то и въ этихъ формахъ мы должны будемъ признать истинно-сущимъ лишь то, что является въ нихъ какъ всеобщее: мы называемъ истиннымъ или истинно сущимъ не то, что существуетъ здѣсь и теперь, а то, что есть вездѣ и всегда». Такимъ образомъ, истинное знаніе будетъ относиться не къ простой дѣйствительности вещей, а къ ихъ неизмѣнной и единой природѣ¹⁾. Чичеринъ основательно замѣчаетъ, что тутъ Соловьевъ не дѣлаетъ различія между истиной относительной и безусловной; поэтому, если довести высказанную имъ мысль до конца, то придется признать ложными науками исторію и геологію²⁾. Собственно говоря, мы имѣемъ здѣсь платоновскую точку зрѣнія на чувственно воспринимаемый міръ: весь генезисъ есть ложное, мнимое бытіе: истинно есть только *всеобщее*; напротивъ, міръ индивидуальныхъ вещей есть «то, что возникаетъ и уничтожается, но подлинно никогда не существуетъ». Извѣстно, что въ основѣ этого ученія Платона лежитъ отождествленіе логического съ реальнымъ, понятія съ истинно сущимъ. Соловьеву тѣмъ болѣе слѣдовало бы отрѣшиваться отъ этого стараго заблужденія древней греческой метафизики, что оно совершенно не вяжется съ духомъ его философіи: Ниже намъ придется познакомиться съ его ученіемъ о *сущемъ становящемся*, где онъ изображаетъ генезисъ, какъ процессъ реальный, существенный: между этой положительной одѣнкою генезиса и платоновскимъ его отрицаніемъ не можетъ быть ничего общаго.

¹⁾ Критика отвлеч. началь., 203—204.

²⁾ Мистицизмъ въ наукахъ, 101.